

➤ Нани Кроноцкая ➤



18+

НЕРАЗЛИЧИМЫЕ

Нани Кроноцкая Неразличимые

<https://litres.ru/73753944>

SelfPub; 2026

Аннотация

В осеннем Петербурге на границе миров встречаются двое: Виктория — тёмная ведьма, и Виктор — светлый ведун. Их лица кажутся зеркальным отражением друг друга.

И это не просто случайность.

Древнее проклятие, роковая тайна и непреодолимая сила притяжения, грозящая уничтожить обоих.

Готовы ли вы узнать, где заканчивается древняя темная магия и начинается настоящая любовь?

Содержание

Глава 1. Канун	4
Глава 2. Эхо	12
Глава 3. Память, отлитая в плоть	19
Глава 4. Прости	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нани Кроноцкая

Неразличимые

Глава 1. Канун

«Основной закон магической таумистики: разделённая квинтэссенция стремится к воссоединению. Сила её притяжения обратно пропорциональна времени, прошедшему с момента раскола, и прямо пропорциональна силе начального заклятья». (Проф. П. П. Канин, «Лекции по основам метафизики»)

Этот вечер был омерзительно-промозглым и мучительно-долгим. Впрочем, чего еще ожидать от конца октября? Обычная питерская осень. Сегодня Виктория провела больше времени в «Хроносе», чем обычно. Она искала подходящий подарок себе на завтрашний день рождения.

Двадцать четыре года – это возраст, когда ты уже не юная девушка, но еще не достигла той самой уверенности, о которой мечтала в юности.

«Хронос» был не просто каким-то там антикварным магазином, каких в Питере множество. Старинная лавка магических артефактов спрятанная в тихом переулке Васильевского острова. Её витрины тускло мерцали волшебным светом, видимым очень немногим. Тем, кто умеет смотреть. И Вик-

тория это умела. Она была тёмной ведьмой. Из тех немногих, что инициировались е еще дохристианской традиции.

Магия для неё была не обычным набором ритуалов или заклинаний, а тем языком, на котором с ней разговаривал окружающий мир. Шёпот камней, шелест воды, звонкая песня металлов, разговоры живых и молчание мёртвых.

Виктория здесь очень часто бывала. Сегодня у неё был особый повод. Вот только подарок никак не желал показаться. Быть может, причина была в её отвратительном настроении? Но с пустыми руками она сегодня не уйдет. Уж что-нибудь да найдется... Ее пальцы скользили по корешку очередного старинного фолианта, когда дверной колокольчик звякнул снова, впуская в мягкий сумрак лавки порыв промозглого ветра и... его.

Виктория не увидела нового посетителя сразу – лишь почувствовала его присутствие. Ощутила волну неожиданного тепла, раздвинувшую сырой холод полуподвала лавки. И странное, щемящее чувство где-то в груди. Опустошение. Как будто кто-то внезапно украл удар ее сердца.

Она подняла взгляд, глаза их встретились.

И мир ведьмы сузился до размеров узкого прохода между заставленных пыльными артефактами стеллажами.

Незнакомый молодой мужчина стоял в нескольких шагах от неё и неторопливо снимал с себя черные кожаные перчатки. Высокий, плечистый, в темном пальто, идеально сидевшем на нем. Короткие темно-русые волосы, влажные от

мелкого дождя. И глаза... Создатель, какие же то были глаза.

Как такое возможно?, – пронеслось в голове у Виктории, и ее собственное сердце бешенно затрепыхалось где-то в в горле.

Незнакомец смотрел на неё ровно с тем же немым изумлением. Он как будто увидел в магическом своё1 собственное отражение. зеркале. То же округлый овал лица. Такие же крупные, пухлые губы с чуть приподнятыми уголками. И глаза... Необычные, изумрудно-зеленые, со вспыхивающими в глубине радужки ярко-оранжевыми искрами. Запоминающиеся.

У него. И у нее.

Они с Викой были поразительно, невероятно, пугающе похожи. Как могут вообще быть похожи мужчина и женщина.

«Это какое-то колдовство, – разум ведьмы лихорадочно искал логическое объяснение происходящему. И отказывался находить. – Обман зрения. Магическая иллюзия. Навязждение?»

Но ее личный щит, её внутренний контур, надежно изолирующий от всех внешних воздействий, оставался нетронутым. Никакого постороннего влияния. Только странная, нарастающая с каждой секундой вибрация где-то внутри.

Мужчина первым стряхнул охватившее их обоих оцепенение, мягко шагнул ей навстречу. Это короткое движение было буквально наполнено тщательно сдерживаемой, но ощу-

тимой силой. Маг?

– *Простите*, — его голос был низким, глубоким, чарующим. – *Кажется, я ищу то же, что и вы.*

Виктория промолчала. Ответить она не могла. Ее взгляд был прикован к его магической ауре. Ведьму имеют не только смотреть, но и видеть. Вокруг незнакомца кружил мощный вихрь потоку серебристо-белого света. Светлый. Редкость в нынешнем мире. И не только. Посетитель хавки был светлым ведуном, не только инициированным но и весьма одаренным.

Это вполне объясняло её ощущения, но – не их поразительное сходство.

– Магазин закрывается, – неожиданно раздался скрипучий голос старика-гнома, владельца «Хроноса». Он вышел из-за стойки, и его слепые глаза, казалось, пристально смотрели на них. – Но для вас, молодые люди, у меня есть кое-что особенное. Пара интересных вещей. Они ждали именно вас. Ничего больше можете не искать.

На витрину старик поставил две одинаковые шкатулки из темного дерева. В первой лежала небольшая серебряная подвеска в форме закрученной спирали, а в другой – такое же украшение, чуть крупнее и словно зеркальное отражение первой.

Артефакты-близнецы, — мгновенно оценила Виктория. *Резонирующие.*

Они с незнакомцем, не сговариваясь, протянули руки

каждый к своей шкатулке. Их пальцы соприкоснулись.

И в это мгновение мир Вики рухнул.

Не звук, не свет – лишь мгновенное ощущение. Мучительный холод обжигает босые ступни. В воздухе – горький привкус дыма, железа и крови. Сознание охватывает леденящий ужас. Боль утраты невыносима и вызывает тошноту.

Виктория вздрогнула и едва не выронила подвеску. Она судорожно вдохнула, пытаясь избавиться от призрачного запаха гари. Мужчина рядом с ней замер, его лицо побледнело, а пальцы так сильно сжали шкатулку, что костяшки побелели.

– Что это было? – выдохнула она, наконец обретя голос.

– Эхо, – его взгляд был пристальным, изучающим. Он тоже чувствовал. – Очень сильное ритуальное эхо. Вы... кто вы?

– Виктория, – ответила она, почти не задумываясь. – Тёмная. – И зачем-то тихо добавила: – Сегодня или завтра мне исполнится двадцать четыре.

Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

– Виктор. Мне тоже. Но все-таки завтра.

Хэллоуин. День, когда вуаль между мирами невероятно тонка. День их рождения.

Слишком много совпадений, — отметил её внутренний голос. Настолько много, что это уже не может быть простым течением обстоятельств. Однако в словах Виктора не было и намёка на ложь. Темные чувствуют ее запах.

Старик-гном покачал головой, его лицо было серьезным.

– Берите. Они ваши. И помните, «Хронос» – лишь дверь.

Кто именно стоит за ней – решать только вам.

Виктор, не спросив ее согласия, оплатил обе подвески и передал ведьме шкатулку. Затем он кивнул, приглашая ее выйти. Виктория, всё ещё чувствуя слабость в коленях, последовала за ним. На улице моросил холодный осенний дождь, который размывал огни ночного Петербурга, превращая их в сине-зеленое неоновое полотно.

Они укрылись под козырьком магазина, в тихом уголке, где не было слышно городского шума.

– Я не принимаю подарки. Особенно от незнакомых мужчин, – сурово произнесла Виктория, глядя на мужской профиль, освещенный мерцающей вывеской. Он был таким знакомым. До боли.

– Я тоже, – он повернулся к ней. Его глаза в свете неона горели еще ярче. – Не дарю старинные артефакты первым же встречным. Вы ведьма.

– А ты ведун, – раздраженно заметила она. Это не было вопросом.

Он кивнул.

– Светлые практики. Исцеление, защита. Служу в главном госпитале. Диагностика и терапия иных. Вот мы и знакомы, не так ли?

– А я работаю с разного рода тенями... – Вика зачем-то пожала плечами. – С тем, что другие предпочитают не ви-

деть.

Должна была возникнуть пропасть. Противостояние. Вражда. Но её не было. Лишь молчаливое, обоюдное признание силы друг друга. И это чёртово влечение, тяга, похожая на зуд заживающей раны.

– Мне кажется... Нам нужно поговорить, – тихо произнес Виктор. Его взгляд снова и снова скользил по ее лицу, словно выискивая ответы. – Вы ведь тоже почувствовали это. В магазине.

– Да, – неохотно призналась она. – И я совершенно не понимаю, что это.

– Я тоже. Но твёрдо намерен узнать. Не люблю артефактных сюрпризов... – он сделал паузу. – Позвольте проводить вас? Или... мы можем пойти выпить кофе. Не поздно еще? Насколько я знаю, все темные обожают пить кофе на ночь.

Это было настоящим безумием. Отправиться куда-то с незнакомцем, пусть и магом, в десять вечера накануне Хэллоуина. Она, всегда осторожная и самодостаточная, не нуждавшаяся в чьем-либо обществе, не должна была с ним идти.

Но он был не «кем-то». Он был словно её отражением. Загадкой.

Он сводит тебя с ума с первого мгновения, – прошептала её тёмная, интуитивная половина. И ты это знаешь. Не лги себе.

– Только если кофе будет крепким, – усмехнулась Виктория, и впервые за вечер на ее лице мелькнула тень настоящей

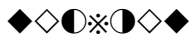
улыбки. – Не выношу его слабость.

Взгляд Виктора вспыхнул оранжевым огоньком — *тем самым, что она видела в отражении зеркала ежедневно.*

– Интересное совпадение, – он мягко улыбнулся, и эту улыбка преобразила его строгое лицо, сделав моложе и... опаснее. – Я тоже.

И в тот момент, когда их взгляды встретились снова, Виктория с абсолютной, неопровержимой ясностью поняла: ее безусловно выстроенная, самостоятельная жизнь только что закончилась. И началось что-то другое.

Что-то неизведанное. Пугающее. И неотвратимое.



©Нани Кроноцкая 2026 специально для ЛитРес

Глава 2. Эхо

Дождь превратился в назойливую, мокрую изморось, застилавшую огни Васильевского острова ярко сияющей дымкой. Они медленно шли, не сговариваясь о направлении, и ноги сами вынесли их к довольно невзрачной двери с потускневшей бронзовой табличкой: «Кафе Седьмая линия». Это место было известно лишь немногим. Те, кто искал тишины и покоя в прохладном полумраке под низкими сводами старых винных складов, приходили сюда. Воздух внутри был пропитан ароматом старого дерева, запахом воска горящих свечей и дождем. Осенью в Питере этот запах можно было почувствовать в каждом уголке холодного города. Несколько узких ступенек привели двух промокших прохожих в мерцающую тишину, нарушаемую лишь редкими, отстранёнными переборами гитары, доносившимися из самого тёмного угла.

Вошедшие заняли столик у окна, за которым темнел загадочный и строгий силуэт Кунсткамеры. Неоновая вывеска напротив отбрасывала на их лица мертвенный, сине-зелёный свет, и Виктория снова поймала себя на том, что в чертах ведуна ищет что-то чуждое, незнакомое. Искала и не находила. Лишь нарастающее, тревожное узнавание.

Словно они были вылеплены одной рукой неизвестного скульптора из одной глины. Только он – мужской вариант. Так не бывает.

– Я работаю с артефактами, – начала Вика, уклончиво избегая его прямого взгляда. Ее пальцы с тонкими серебряными ободками на ногтях медленно спрятали изящную ложечку в почти черном кофе. – Реставрирую старые книги. Магические трактаты, по большей части.

– Очень странно тогда, что мы раньше не встретились в «Хроносе», – Виктор осторожно пригубил свой эспрессо. Каждое его движение было точным и экономным, словно он бережно расходовал силы. Ведун. Это редкое племя отличалось стремлением к контролю во всём. – Я там часто бываю. Коллекционирую старинные медицинские книги. Обо всем остальном вы, наверное, догадываетесь. Служу в отделении магической реабилитации при Главном госпитале. Моя специализация – диагностика и купирование последствий контактов с аномальными сущностями.

– Тени? Призраки? Сглазы? – уточнила она, и в голосе прозвучала привычная нотка легкой насмешки. Она отломил крошечный кусочек брауни, позволив горьковатому вкусу темного шоколада растечься по нёбу.

Уголок его губ дрогнул. Виктор отставил чашку, и фарфор мягко звякнул о блюдце.

– В моей картотеке это значатся как «посттравматические астральные деформации» и «энтропийные инверсии биополя». Но если говорить без протоколов... Да. Тени, призраки, сглазы. Последствия магических вмешательств. Неудачных ритуалов. Пробои в энергетике. – Он посмотрел на нее пря-

мо, пронзительно. – Как и вы, я вижу сокровище. Но вы читаете историю, вписанную в предметы. А я – эмоциональные шрамы на душах.

– И лечишь их? – Вика приподняла тёмную бровь. – Светом и силой воли?

– Иногда – иссекаю. Иногда – помогаю ткани зарубцеваться. Не все шрамы стоит убирать, некоторые просто нужно сделать менее болезненными. А вы? Вы просто читаете историю, вплетённые в страницы, или вступаете с ними в диалог?

Вопрос застал её врасплох. Обычно люди не понимали тонкостей.

– Иногда книги кричат, – тихо сказала она, глядя на пламя свечи, отражавшееся в его зрачках. – Шепчут проклятия или поют колыбельные. Моя работа – услышать и... договориться. Переписать тишину поверх чужих кошмаров.

– Договориться, – он повторил за ней, и в этом слове было что-то тёплое, почти одобрительное. – Интересный термин. В моей практике он обычно заменяется на «подавить» или «нейтрализовать».

– В этом и есть разница между нами, ведун. Ты подавляешь. Я – слушаю.

Из темного угла донеслись новые аккорды гитары – тревожные и прекрасные, как предгрозового ветер.

Их разговор тек, как тёмная, глубокая вода, – плавно, с опасными подводными течениями. Они говорили о магии как о ремесле, о Петербурге как о живом, дышащем историей

существо, о том, как странно и одиноко быть настолько сильным в свои двадцать четыре года. Интеллектуальный поединок был изощрённым, почти дуэлью. Каждый выверенный аргумент – точный укол. Каждая найденная общая мысль – робкий, осторожный шаг к сближению.

Он умный. До яговых чёртиков умный. И это пугало.

– Вот, взгляни, – не выдержав, Виктория кончиком пальца коснулась тяжёлого медного подсвечника на их столике. – Его отлили в 1898-м для особняка на Английской набережной. Хозяин любил при нём читать французские романы. А после... его сын ударил этим подсвечником служанку. На смерть. Здесь до сих пор висит отчаяние. И гнев.

Виктор внимательно посмотрел на её руку. – Да. Чувствую вспышку ярости. И вину. Острую, словно осколок стекла. Ты права. – Он оторвал взгляд и обвёл взглядом зал, его брови чуть сдвинулись. – Странно, что такая вещь до сих пор здесь. В общественном месте. Практически открытая рана. Почему её не очистили?

Вика с лёгкой, почти незаметной усмешкой провела пальцем по краю своей чашки. – Кто знает... Слабые иные могут не слышать самой истории, лишь ощущать фоновый дискомфорт. Их будет просто... раздражать этот столик, они предпочтут сесть в другом углу. А обычные люди спишут внезапно накатившую тоску или злость на усталость, плохую погоду или магнитные бури. Мир полон рациональных объяснений для иррационального.

Он помолчал, его взгляд стал отстранённым, будто прислушивался к чему-то внутри. — Наверное, трудно так... — Виктор осторожно подбирал слова. — Жить в окружении громко кричащих предметов?

— Когда дар только открылся, было нелегко, — призналась она, и в её голосе впервые прозвучала отголоском та детская растерянность. — Головные боли, бессонница. Мир был похож на блошинный рынок, где каждый лоток орёт тебе в ухо свою историю. Но я научилась... ставить звукоизоляцию. Не слышать. Как житель дома, стоящего напротив стадиона. Сначала сводит с ума, а потом становишься *selectively deaf* — избирательно глухим.

— Избирательная глухота... — он повторил это словосочетание, и в его глазах мелькнуло понимание, смешанное с лёгкой тревогой. — А я, наоборот, боюсь её как огня. Для меня самое сложное в моей работе — не позволить себе оглохнуть к чужим страданиям. Не перестать слышать эти шёпоты боли. Иначе какой в этом смысл?

Её взгляд снова стал пристальным, изучающим.

— Очень опасно. Ты слушаешь, чтобы лечить. А чтобы лечить, нужно дистанцироваться, иначе сгоришь. Я же... я слушаю, чтобы понимать. Для этого мне не нужно растворяться в этом шуме. К счастью, предметы не умирают от сердечных приступов.

— Зато скучно не бывает, — уголки его губ тоже тронула почти невидимая улыбка. — А твои «тени» не пытаются пе-

реписывать «акустику» вещей?

Виктория рассмеялась, и это был лёгкий, серебристый звук, заставивший пламя свечи на миг качнуться.

– Нет. У них на это нет сил. Хотя... – она снова скользнула взглядом по подсвечнику, – возможно, ты прав... Мне просто в голову не приходило подобное. А ведь иногда именно предметы являются первопричиной душевной язвы.

– Вот видишь, – мягко сказал он. – Границы снова размываются.

Их взгляды встретились поверх трепетного языка пламени свечи. В воздухе на мгновение повисло что-то хрупкое и невероятно важное. Виктор медленно, давая ей возможность отпрянуть, протянул руку через стол, как будто бы для того чтобы поправить съехавшую набок бумажную салфетку. Его мизинец на долю секунды коснулся её запястья.

Их вырвало. Выбросило резко и безжалостно.

Не из уютного полумрака кафе – из самой ткани времени.

Один миг – и трепетное пламя свечи сменилось дрожащими отблесками факелов на стенах, испещренных молитвами, что струились, как струйки чужого пота. Леденящий холод грубого камня впился в босые подошвы. Воздух стал спёртым, густым, отдающим плесенью сырых склепов и сладковатым, тошнотворным запахом страха.

И он... другой он. Высокий, исхудавший до состояния тени, в грубом, грязном балахоне. Его лицо, такое знакомое и до боли чужое, было искажено гримасой отчаяния и слепой,

исступлённой любви. Алан. Имя пришло само, как приходит знание о том, что рука обожжена. Он стоял на коленях перед женщиной. Её волосы были растрёпаны, а в широко распахнутых глазах горел нездоровый, лихорадочный блеск. Изабель.

– Я спасу тебя! – её сорванный, истеричный крик разрезал плотную пелену ужаса. Она билась в его цепких руках, а в её пальцах блестел странный амулет – тот самый, чьё отражение сейчас лежало у них в карманах. – Разделю свет и тьму в тебе! Они убьют одного человека, но ты... ты выживешь!

И всё. Всепоглощающий, животный ужас, от которого стынет кровь в жилах. Не её страх – его. Осознание, происходящее где-то в глубине его, Алановой, души, что он сам, своими руками, разрывает её на части. Что он её убивает.

Стул с оглушительным грохотом опрокинулся на каменный пол кафе, вернув Викторию в сию секунду. Она стояла, дрожа всем телом, не видя ничего вокруг, кроме мертвенных лиц в отсветах давно погасших факелов. Воздух Питера снова пах дождём и кофе, но в горле стоял комок пыли и гари из другого века.

– Прости... – выдохнула она, не глядя на Виктора, с трудом ловя ртом воздух, который казался слишком жидким, слишком безжизненным после той спёртой атмосферы sklepa. Её пальцы впились в край стола, белые от напряжения. – Мне нужно... Мне необходимо уйти.

И, не дожидаясь ответа, она бросилась к выходу.

Глава 3. Память, отлитая в плоть

Вика выплеснулась на улицу, под ледяной невский ветер. Он пронизывал насквозь пальто, но даже это было в тысячу раз лучше каменного мешка. Не задерживаясь и не оглядываясь, судорожно прижимая к груди сумку с проклятым амулетом, она побежала по 2-й линии. Где-то в глубине её души родилось твёрдое знание: Виктор непременно пойдёт за ней. Виктория этого не хотела. И отчаянно, до мелкой дрожи в коленях, ждала.

Её укромное убежище располагалось всего в нескольких минутах ходьбы. Дом под номером 13, тот самый, с рыжими стенами и затейливыми лепными маскаронами над окнами, стал её надёжной гаванью. Ключ от парадной, словно живой, трепыхался в руке, но Вика сумела с ним справиться. По тёмной, пропитанной сыростью лестничной клетке, направо, мимо погружённого в дремоту консьержа, она проскользнула в узкий коридор, который вёл к чёрной лестнице и наверх. Она стремительно взбежала по узким ступенькам и уже через несколько минут оказалась в своей мансарде, под самой крышей.

Мастерская была её святилищем, единственной крепостью её хрупкого мира. Полки, гнущиеся под тяжестью ветхих фолиантов. Столы, беспорядочно заваленные реставрационными инструментами, пожелтевшими чертежами и ти-

гелями. Воздух, густо пропахший старой бумагой, кожей, воском и горьковатым ароматом сушёных трав. Здесь царил её личный порядок. Её неоспоримый, годами выстраданный контроль.

Она тщательно закрыла все замки, прислонилась спиной к прохладной деревянной двери и закрыла глаза, стараясь избавиться от навязчивых, но болезненно живых образов.

Через несколько мгновений в дверь тихо постучали. Не позвонили, хотя электрический звонок был исправен. Тук-тук. Тук-тук... Как будто чьё-то сердце билось там, за стеной.

– Виктория. Я знаю, что вы там. Откройте. Пожалуйста.

Его голос звучал так близко... Вика не отвечала, затаив дыхание, превратившись в один сплошной слух.

– Я тоже это видел, – сказал он ещё тише, и его бархатный баритон приобрёл новую, тревожную глубину. – Я ощутил её боль. Его отчаяние. Как врач, я могу с уверенностью сказать: это не просто видение, Вика. Это – воспоминания.

Её колени подкосились. Она медленно соскользнула по двери на прохладный пол, обхватив голову руками. Память. Кровь.

Виктор не уходил. За тонкой деревянной перегородкой она слышала его дыхание – прерывистое, тяжёлое. В оглушительной тишине их сердца бились в едином ритме, словно отбивая яростный танец. Эти двое сидели на полу, прильнув к дверям – он снаружи, она внутри, – и

дышали синхронно, будто только что выбрались из бездны чужого кошмара.

Подвеска. Вика достала её из сумки, и серебро блеснуло в тусклом свете прихожей. Небольшая, искусно выполненная спираль, напоминающая раковину улитки или закрученный вихрь. Тёмное гномье серебро, хранящее в своих завитках вековую патину. Цепочка была старой, с крошечными, едва заметными зазубринами, будто её снимали и надевали тысячи раз.

– *Я где-то её уже видела...* – тихо проговорила она, больше для себя, поворачивая амулет в пальцах. – *И имя... Изабель. Оно почему-то вертится в голове, будто зацепилось за этот завиток.*

За дверью раздалось короткое, скептическое фырканье.

– После таких встрясок мозг часто ищет, за что бы ему зацепиться.

– Нет же! – вспыхнула она, ударив ладонью по полу. – У меня странно устроена память! Я помню события и факты, как карточки в каталоге – цветными пятнами. И это пятно, Изабель, у меня почему-то срослось с изображением этой спирали.

Она тяжело поднялась, всё ещё чувствуя слабость в ногах, и подошла к высокому стеллажу, доверху забитому папками и старыми фолиантами – её семейным архивом.

– Говорю же, была какая-то мутная история... Так звали сестру моей пра-пра-прабабки. Её обвиняла магическая Ин-

квизиция в сожительстве с алхимиком. Их взяли за какую-то крупную аферу... с золотом, кажется. В Испании?

– Во Фландрии, – прозвучал из-за двери тихий голос Виктора. В нём не было удивления, лишь неожиданная уверенность. – Продолжайте. Я внимательно слушаю.

Вика нащупала на полке нужный, потрёпанный том в кожаном переплёте. «Хроники рода. Том IV». Она потянула его, и тяжёлая книга легко соскользнула в ладони. В тот же миг из-за корешка выпорхнул сложенный пополам пожелтевший лист.

Она инстинктивно поймала его на лету. Развернула.

И сдавленно вскрикнула.

На листке бумаги, поблекшими чернилами, была изображена схема. Две спирали, симметрично расположенные друг напротив друга. Мужское и женское начала. На них были аккуратно нанесены пометки на латыни. Их амулеты.

Дверь в прихожую внезапно исчезла. Она не открылась, замок не сломался – он просто перестал существовать. Виктор остановился на пороге, его лицо было смертельно бледным, а глаза метали изумрудные молнии с оранжевыми всполохами. Он сделал шаг к Вике, и за его спиной, как по мановению волшебной палочки, появилась дверь. Замок громко щёлкнул, словно ожил после долгого сна. Никакие магические защитные заклинания не смогли ему помешать. Все сложные тёмные плетения не оказали ни малейшего сопротивления этому странному светлому.

– Кто вы, Виктория? – его голос был низким, вибрирующим, будто натянутая струна.

Она не ответила. Не могла. Молча смотрела на него, на этого мужчину-загадку, своего практически двойника. И страх, и невероятная, мучительная тяга сплелись в тугой, горячий клубок внизу живота.

Он сделал шаг. Ещё один. Пространство мансарды сжалось до размеров старого персидского ковра между стеллажами.

– Я чувствую вас, – сказал он, и это не было метафорой. Воздух вокруг них звенел от сгустившейся магии. – Здесь. – Он прикоснулся пальцами к своему виску. – И здесь. – Ладонь легла на грудь, над сердцем. – С того момента, как увидел в «Хроносе». Как будто нашёл недостающую часть самого себя. Или... как будто во мне проснулось что-то древнее, забытое.

– Это проклятие, – выдохнула она, отступая, пока пятки не упёрлись в твёрдый край книжной полки.

– Или дар, – он был уже совсем близко. Его тело излучало тепло, согревая пронизанную ужасом дрожь, бившую её изнутри. – Мы – не они, Виктория.

Его руки медленно поднялись, давая ей возможность отпрянуть или остановить. Но Вика не могла пошевелиться. Это был не страх. Это было ожидание.

Пальцы Виктора мягко коснулись её висков. Это прикосновение было почти невесомым, но мир вокруг начал кру-

житься и расплываться, словно в тумане.

Не темница. Комната. Обитые тёмным бархатом стены, треск поленьев в камине. Изабель, её лицо залито слезами, прижимается лбом к груди Алана. «Я не могу... Я не переживу этого одна». Алхимик целует её макушку, его руки дрожат. «Мы будем вместе. Я найду способ бежать. Не отчаивайся. Инквизицию тоже можно купить, вопрос только в цене».

Видение исчезло, оставив во рту вкус чужой соли и острое чувство... любви. Безрассудной, отчаянной, обречённой.

Виктория издала приглушённый, отчаянный звук. Её руки непроизвольно потянулись к нему, холодные пальцы вцепились в складки тёмной рубашки, притягивая ближе. К живому теплу, к настоящей реальности.

– Вик...

Её шёпот стал прерывистым, в нём звучала капитуляция. Именно то, чего он ожидал.

Его губы нашли её губы.

Это было падение. Столкновение. Взрыв.

Жадный, отчаянный поцелуй, в котором сплелись страх, гнев на несправедливую судьбу и бурная, дикая радость от долгожданной встречи с родной душой. Боль от столетней разлуки и лихорадочное обещание никогда больше не расставаться.

Виктория ответила ему с той же силой: впиалась пальцами в его волосы, прижалась всем телом, стирая последние

остатки дистанции. Её тёмная магия, густая, как смола, вырвалась наружу, смешавшись с его чистым светом. Воздух в мансарде наполнился искрами, книги на полках сияли призрачным светом, а тени на стенах затанцевали в такт нарастающему безумию.

Вик тяжело дышал, оторвавшись от её губ. Его глаза полыхали, словно раскалённые угли.

– Я не могу это остановить, – прохрипел он, скользнув ладонью по её щеке. Его пальцы обжигали кожу, словно прикосновение огня.

– И не пытайся! – её голос звучал хрипло и властно, словно не принадлежал ей. Она сама расстегнула пуговицы на его рубашке, касаясь гладкой, горячей кожи груди, ощущая под пальцами бешеный ритм его сердца. Её собственное сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Он срывал с неё одежду с такой же неотвратимостью, как лавина сходит с гор. Сначала полетели тяжёлые замшевые сапоги, затем узкие джинсы, и наконец, тонкая шерсть джемпера. Её пальцы отвечали ему с той же страстью, освобождая его тело от ограничивающих оков ткани. Их лица были похожи, но тела – поджарые, сильные, с длинными линиями мышц – словно были созданы друг для друга.

Когда они оказались обнаженными в прохладной мансарде, Виктория замерла, пристально глядя на него. Её взгляд скользнул по широким плечам, резким ключицам, подтянутому плоскому животу и мускулистым бёдрам. В его глазах

она увидела то же потрясение и ту же жажду.

Он был прекрасен. И принадлежал только ей. Каким-то древним, непостижимым правом...

Глава 4. Прости

Он был ощутимо выше, и ей пришлось запрокинуть голову, подставляя шею. Его губы скользнули по ключице, а зубы царапнули нежную кожу – больно, сладко, невыносимо. Низкий стон вырвался из ее горла прежде, чем Вика успела его сдержать.

– Я хочу... – начала она, но слова потерялись в огне, когда его руки скользнули под свитер, ладони уверенно сжали ее грудь.

– Знаю, – его шепот обжег ухо, а пальцы уже танцевали, кружили. Волны жара били в низ живота, ноги предательски подкосились. Он не дал ей упасть, его сила – физическая и магическая – её подхватила, влилась в каждую пору. Вика чувствовала его желание – твердое, откровенное, давящее. Ее тело ответило стыдной, жаркой влагой, готовностью и мучительным ожиданием.

Вик мягко опустил ее на высокую гору бархатных подушек, устлавших ковер. Мужской вес придавил, и это было блаженством.

– Смотри на меня, – приказал он, и в его низком, сдавленном голосе прозвучала не просто просьба, а заклинание, связывающее их в этот миг.

Его движение было резким, безжалостным, разрывающим ткани реальности и плоти. Острая, сухая боль тут же раство-

рилась, смятая шокирующей, всепоглощающей наполненностью. Ведун был не просто внутри. Он был повсюду – его плоть, его дыхание, его сущность. Его магия, густая и яркая, вливалась в нее, сплетаясь с ее собственной, черной и вязкой, как деготь. Две силы, встретившись, не слились, а вступили в яростный танец, создав быстрый вихрь, который угрожал смести все границы их «я», стереть личность, оставив лишь чистое, нефильТРованное ощущение.

Виктор снова замер, давая ей привыкнуть. Это была настоящая пытка. Его лицо исказилось болезненной гримасой сверхчеловеческого усилия. Каждая мышца его спины была напряжена, как тетива лука. Капля пота скатилась с его виска и упала на ее ключицу, обжигая кожу.

– Виктория... – Ее имя на его устах звучало не просто как слово, а как таинственное заклинание, как ключ, открывающий двери в самые сокровенные уголки ее души. В этом звуке было признание, проклятие и молитва, обращенная к ней самой.

Ведьма не выдержала, её тело жаждало большего.

– Двигайся, – прошептала она, и голос её превратился в хриплый, почти беззвучный шёпот. Ее ногти впились в его мускулистую спину, оставляя на коже полумесяцы, метя его, как свою территорию. – Пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.